

Игорь Шестков "На озере"

НА ОЗЕРЕ

Не помню, как доехал до отеля «На Голубом Озере», помню только, что, несмотря на то, что номер с видом на водную гладь был заказан еще месяц назад, меня там как будто и не ждали, долго не хотели замечать, хотя я и стоял прямо перед ними, судачащими у длинной темной стойки, за которой размещался шкаф с ключами, похожий на соты... да, я стоял перед ними, единственный гость в огромном лобби, не защищенный ни одеждой, ни даже собственной кожей, не человек, а энергетический пузырь, пар... но все эти толстоносые и долгоспинные швейцары, портье, консьержи и пажи в противной не глаженной коричневой униформе с лампасами и в дурацких шапочках с кисточками... не видели меня своими треугольными глазами, не слушали тревожно вставшими островерхими ушами то, что я говорил, даже когда я перешел от обиды и волнения на повышенный тон и начал раздраженно жестикулировать и сыпать на мраморный пол розовые лепестки, смоченные слюной стрекозы.

Выдержав мучительно долгую паузу, они наконец меня заметили, или только показали вид, пошептались о чем-то, посматривая в мою сторону настороженно... напечатали на своем старомодном иголочном принтере какой-то документ, подписали его, дали подписать мне... я и не прочитал, что они там написали, моя руки тряслись... чернила в ручке давно высохли... но я не растерялся, а подписал по-сухому... воздухом.

Главный администратор долго вертел документ в руках, нюхал зачем-то мою подпись... он явно тянул время... изо всех сил сопротивлялся неизбежному, ни за что не хотел давать мне ключ, вручение мне ключа по-видимому противоречило каким-то его убеждениям... он явно был шовинистом-консерватором, этот упрямый костлявый старик... его украшенные белесыми ресницами тускло как у жабы мерцающие глаза постоянно закрывались, он зевал, ронял голову на грудь, засыпал и начинал храпеть... его косматые брови грозно хмурились, чёлка

вздымалась, невероятно длинная жилистая шея краснела, а уродливые трехпалые руки сжимались в кулаки...

Назевавшись вволю, он все-таки протянул ключ от комнаты 332, но неохотно, как бы и не мне, а непонятно кому, находящемуся в смежном со мной пространстве. Я принял ключ третьей рукой и побрел к лифтам.

Бесшумно открылись широкие черные металлические двери. Я вошел в лифт и очутился в зеркальном зале. С трех сторон на меня глядела оптическая бесконечность. Казалось, что в ее темных недрах шевелятся какие-то допотопные твари, только и дожидаящиеся сигнала от руководства отеля – легкого кивка, взмаха ресниц, кряканья или покашливания – чтобы наброситься на ни в чем не повинного гостя и разодрать его в клочки.

Вышел из лифта, попал в коридор-лабиринт. Указателя не было. Комнату 332 я должен был найти сам. Решил идти по коридору с закрытыми глазами, в надежде, что комната сама найдет меня, притянет к себе.

Как редко сбываются наши мечты! Я бродил по третьему этажу отеля уже полчаса, но никаких чудес не происходило, я никого не встретил, не слышал ни человеческого разговора, ни радио... ничего. Лабиринт был пуст, а минотавр мертв.

Чудо, однако, все-таки произошло. Открыв глаза, я увидел, что стою между комнатами 331 и 333. Там, где должна была быть дверь в мою комнату, зияла своей брутальностью неровная свежевыкрашенная стена.

Я начал размышлять и пришел к выводу, что злокозненный администратор приказал забетонировать вход в мою комнату, а пока его рабочие работали, он отвлекал меня своим храпом и птичьими лапами. Возможно где-то тут установлена видеокамера и вся эта банда в лампах жадно наблюдает над тем, как я мучаюсь, и зубоскалит.

– Вы только посмотрите на этого толстого идиота, на этот мыльный пузырь. Ну и осел! Комнату найти не может, сейчас караул закричит или описается!

Заблудился в трех соснах! Ха-ха, ключик есть, а дверочки-то и нет! Что, съел гнилой орешек, теперь корчись, цепеней и вой! У нас отель для приличных людей, а не для выходцев с того света. Ньюни можешь распускать в своем склепе, ты ходячая прокисшая кулебяка... Проклятый зомби. Смотрите, смотрите, он

достал ключ и тычет им как слепой в стену!

...

Не знаю как, но через несколько минут я оказался в комнате 332.

Разложил свои пожитки на полках гигантского шкафа. Заглянул в туалет.

Принял душ. И лег в кровать, на свежую белую простыню. Закрыв глаза и попытался забыться.

Одна, сверлящая мысль не давала мне покоя. Зачем я приехал сюда, в этот негостеприимный отель. Что я тут делаю? Какого черта, господи? Ведь я терпеть не могу отелей, ресторанов, кинотеатров, вообще мест, куда люди неизвестно зачем приезжают или приходят для того, чтобы делать что-либо вместе. Я индивидуалист и мизантроп. Ненавижу государство, толпу, общество, коллектив, даже застолье вчетвером терпеть не могу. Эти бессмысленные разговоры... Высосанные из пальца дискуссии... Многозначительные паузы... Вымученные гримасы, жевание, ковыряние в зубах, вздохи. Самовозгонка скуки. Отель – родной брат тюрьмы. Казарма.

Коридоры. Номера. Зевающие постояльцы, торжественно направляющиеся в ресторан. Тошнотворный запах чужой жизни.

Что я тут забыл?

Ага. Кажется вспомнил.

Я тут не для отдыха... и не по доброй воле. Я сюда убежал, скрылся... от ремонта в нашей квартире, который затеяла моя деятельная и деловая умница-жена.

Да, пожалуй еще больше чем отели я ненавижу ремонты. Эти вечные подготовки к жизни. Самооправдание не умеющих жить, хлопотливых энтузиастов. Кафель видите ли сидит не твердо. А что на этой планете сидит твердо? Ничего. Все качается, разбалтывается, размягчается, преет, покрывается плесенью, гниет, отваливается, превращается в хлам, в руины. И исчезает. Наш мир – это оргия исчезновения, триумф никому не нужного хлама. И вечны в нем только чистоплюи-энтузиасты, затеивающие ремонты, реформы, перестройки.

Бороться с женой я не стал. Поспорили, поругались, чуть не подрались... и я отступил.

Жена зачитала приговор: Поживешь в гостинице недельку или две, погуляешь по сосновому лесу, насладишься природой. Разгонишь кровь. А то ты тут совсем

упрел. Перестал быть человеком, превратился в шар. Вечно сидишь сиднем за своим компьютером. А жизнь течет себе где-то там. Может быть даже похудеешь. А я останусь тут – присмотрю за рабочими.

Жена же и заказала по телефону номер в гостинице недалеко от Берлина. Сегодня в восемь должны были прийти рабочие, поэтому я выехал из дома полвосьмого. Автобус, с-бан, еще автобус... и вот я тут, лежу на двуспальной кровати и смотрю на нечистый потолок, покрытый синеватыми следами убитых кем-то насекомых, налетающих вечером на огонек. Пытаюсь захватить мыслью побольше времени и пространства и выжать их как спелую гроздь винограда – в мои воспаленные мозги, чтобы найти хоть какую-то спасительную мотивацию, хоть какое-то желание что-то делать, совершить хоть какой-то поступок... Но пространство в отеле омертвело, а время – остановилось, сколько их не сжимай – ни капли смысла не выдюжишь... И я лежу и не знаю, что думать, делать, как, зачем...

Сам себе преграда, огорчение, мука.

И машинально начинаю уничтожать самого себя, пинаю себя ногами, жгу себя на костре, распинаю на кресте... но все напрасно. Тело неподвижно, воскрешения нет, комната застыла как будто в обмороке, кровать подо мной горяча как костер, и только потолок своими синеватыми следами убийства свидетельствует – если будешь стремиться к свету, ты, глупенький мотылек, то тебя разотрут, уничтожат, превратят в синеватый след, подтек, в отвратительное пятно поклонники чистоты и порядка.

Тут мне на ум пришла спасительная формула – надо погулять, пройтись вдоль озера, довериться природе. Потому что сам ты уже давно не можешь себя спасти. И каждое твое трепыхание только погружает тебя глубже в трясину жизни. Что же, повисни на деревьях, обопрись о голубую водичку, одурмань себя чистым воздухом, покачайся на качелях бодрой походки... может быть и полегчает.

...

В лобби никого не было, кроме консьержа, миловидного молодого блондина. Он демонстративно заинтересованно возился с какими-то бумагами. Не сразу и неохотно, но поднял голову в ответ на мой гутентаг.

Я подал ему ключ и посмотрел ему в глаза. Обнаружил в них то, что и ожидал – беспросветный эгоизм бьюргера, профессиональное равнодушие к судьбе других людей, скуку и тошноту существования. И порок, готовность отдаться за деньги. Блондин мгновенно понял, что разоблачен, но это – и тоже по профессиональной привычке – его не расстроило, а скорее обрадовало. Для того, чтобы подсечь клюнувшую рыбку, он бросил на меня один из специально заготовленных на подобные случаи взглядов. Наглый и темный. Так смотрит на гусеницу оса, прежде чем оседлать ее и вонзить в нее жало. Взгляд его однако не был достаточно острым, скорее он был томным знаком согласия. Многообещающий взгляд.

Сидящий во мне дьявол чуть не заставил меня спросить: Сколько за час?

А перед глазами как запыхавшиеся олени пробежали картинки-ощущения.

Капельки пота на загорелых плечах. Упругий захват юных ягодич. Конвульсия боли на узких, искусанных, слегка напомаженных черной помадой губах во время оргазма...

Увы, мне пришлось разочаровать мальчика, я пожелал ему хорошего дня и вышел из отеля через задний вход. Направился к озеру, по обыкновению посмеиваясь над самим собой.

– Даже в своих интимнейших желаниях, ты всего лишь пародия. Не человек, а коллаж. Напластование чужих смыслов. Посмотри еще раз на эту десять секунд длящуюся сцену. Ты ведь и не собирался как-то приближаться к этому вульгарному провинциальному блондинчику. Покупать его, спариваться с ним... Брррр... Ты ведь и не гомик вовсе. Откуда же эти милые картинки? Капельки пота... Откуда это извечное раздвоение? Ведь ты сразу, как только увидел этого кинеда, представил себе Сомнабулу Чезаре из любимого фильма. Это его темные томные глаза и узкие губы разожгли тебя, а вовсе не гостиничный болванчик. И ты тут же превратился в доктора Калигари, безумного психиатра, повелителя Сомнабулы. Но скорый пассажирский поезд мгновенно увез от тебя их обоих. Ты и сейчас слышишь его нетерпеливые гудки. И ты возвратился в себя. В непонятно что. В облако, в наполненный паром шар. И все это приключение длилось лишь мгновение. И из тысяч таких мгновений состоит твоя жизнь... куда только тебя не бросало, кем только ты не был. Какие безумства ты бы совершил,

если бы не спасительный поезд? И эти прыжки в чужие сущности никогда не тормозили твоего погружения в бездну, только ускоряли его. Впрочем, там, где ты находишься, там, где проходит твое настоящее бытие, нет ни низа, ни верха. Нет ни завтра, ни вчера. И падение невозможно отличить от взлета.

...

Вышел на буковую аллею, разбитую вдоль озера. Прошел метров двести и присел на лавочку. Хотел помечтать, наслаждаясь шелестом листьев и ветерком с озера. И вдруг – увидел эту женщину. Она стояла рядом с огромным раздвоенным стволом двухсотлетнего бука. Красивая, высокая, нагая.

Рыжеволосая. Одной рукой прикрывала пышную грудь, другой – рыжий же кудрявый лобок. Она была явно обескуражена, поражена, испугана. Не моим присутствием. Чем-то другим. Я оглянулся. Все вокруг нас было спокойно, идиллично. Яростное августовское солнце еще не начало жечь, буковая аллея радовала своей классичностью, озеро, голубеющее по правую руку от меня, плескалось себе крохотными игрушечными волнами... Никого вокруг нас не было, только птички щебетали, да синие стрекозы-проказницы чертили в пространстве свои зигзаги-иероглифы. Деревья кряхтели, небесная голубизна похрустывала возникающими и пропадающими в ней экзотическими частицами, воздух весело пах соснами, теснившими буки со стороны шоссе.

– Могу ли я вам как-то помочь?

Произнося это, я старался не смотреть на нее, чтобы еще сильнее не смутить. Немецкие слова выговаривал как мог мягко, доверительно. Хотя мой разнузданный дьявол шептал мне: Что ты с ней разговоры разговариваешь, фетюк? Снимай штаны и вмажь ей промеж ляжек. Пусть визжит и бьется под тобой, тебе только приятнее будет ее молотить. Ты думаешь, она для чего тут голая по лесу прыгает? Мужчину ловит. Все они одним миром мазаны.

А доктор Калигари, растянув рот в омерзительной улыбке, весьма недвусмысленно подмигивал и кивал.

На сей раз я сурово расправился с охальниками. Дьявол полетел со сломанными рогами прямо в озеро, смиренно его поглотившее, а доктор получил под зад. Оба на время затихли.

Голая рыжая на мои слова никак не отреагировала. Я повторил вопрос по-

английски. Она прислушалась и затараторила как сорока. Я ничего не понял кроме слова «Вайоминг». Стянул с себя свою оранжевую футболку и подал ей... она тут же ее на себя натянула. Получилось как бы короткое платье.

Закрывающее однако то, что следовало закрыть.

Такая одежда очень ей шла. Футболка гармонировала с ее огненной шевелюрой и золотистым лаком на ногтях. Стройные ее ноги сверкали на солнце. Зеленые зрачки напоминали круглые изумруды.

Я пригласил ее присесть на лавочку, попросил ее говорить медленнее и проще.

– Где мы?

– Недалеко от Берлина.

– В Европе?

– Ну да.

– Это невозможно. Еще пять минут назад я находилась в Вайоминге. В пяти милях от Чертовой башни. Мы собирались завтра утром влезть на нее. Мы с мужем путешествуем по Америке в переделанном автофургоне. У нас есть там кухня, спальня, телевизор. Засиделись у костра далеко за полночь. Я как раз хотела принять душ перед сном. Вошла в кабинку... и вдруг очутилась тут у вас, на этой аллее. С ума можно сойти! Такого не бывает, наверное я сплю, и все это мне снится.

– Скорее уж это вы мне снитесь.

– И главное, я не знаю, что же мне теперь делать.

– Постарайтесь не просыпаться еще несколько минут. Мне так приятно беседовать с вами, я знаете ли очень одинок после смерти жены. А вы так красивы, так загадочны и обаятельны... Смахиваете немного на Джейн в исполнении Лил Даговер. Может быть, я Франц, и вы моя невеста? Позвольте мне поцеловать вас на прощенье?

Произнося последние фразы, я уже знал, что моей чудесной собеседницы нет рядом со мной. Она исчезла, перенеслась назад, в Вайоминг, и сейчас наверное, радостно подставляет милое веснушчатое лицо под струю теплой воды в крохотной душевой кабинке своего автофургона, стараясь поскорее смыть воспоминание о странном событии, вклинившемся, ни с того, ни с сего в ее размеренную здоровую американскую жизнь. И яростно намыливает свои

тяжелые рыжие космы.

Я уселся на своей лавочке поудобнее, расслабился и постарался погрузиться в блаженную прострацию и опять забыть о смерти жены, о мучительных похоронах, о безобразной судебной тяжбе и о неумолимо надвигающейся развязке моей нелепой жизни.

Закрыл глаза... и почувствовал, как стрекозы кладут на мои воспаленные веки лепестки чайных роз.